

УДК 801.73

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-8

Нарожный Т. И.

Немецкие «веяния» и «низкий стиль» в письмах
А.А. Григорьева Н.Н. Страхову (некоторые наблюдения)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
narozhny@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается переписка А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова 1860-1862 гг. как один из важнейших источников рецепции и оригинального переосмыслиния идей немецкой классической философии в русской мысли середины XIX века. Основное внимание уделяется анализу философской позиции А.А. Григорьева, который в своих воззрениях совершил переход от Гегеля к Шеллингу, что противоречило общему интеллектуальному движению эпохи. Философия откровения и органическая концепция искусства стали фундаментом «органической критики», созданной Григорьевым. Показывается, что приверженность Григорьева Шеллингу не была эпигонством, – напротив, она явилась следствием осознанного выбора, направленного против утилитаризма 1860-х гг. и гегельянского рационализма, а также легла в основу самобытной почвеннической эстетики.

Ключевые слова: А.А. Григорьев, почвенничество, Шеллинг, эстетика, эпистолярное наследие, русская мысль XIX века

Для цитирования: Нарожный, Т. И. (2025), «Немецкие «веяния» и «низкий стиль» в письмах А.А. Григорьева Н.Н. Страхову (некоторые наблюдения)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 213-219. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-8

T. I. Narozhny

“Trends” of the German aesthetic-philosophical tradition
in the epistolary dialogue of A.A. Grigoriev and N.N. Strakhov

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *narozhny@list.ru*

Abstract. This paper examines the correspondence between A.A. Grigoriev and N.N. Strakhov in 1860-1862 as one of the most important sources of reception and original reinterpretation of the ideas of classical German philosophy in Russian thought of the mid-19th century. Primary attention is paid to the analysis of A.A. Grigoriev's philosophical position, which in its views made a transition from Hegel to Schelling, which contradicted the general intellectual movement of the era. The philosophy of revelation and the organic concept of art became the foundation of the “organic criticism” developed by Grigoriev. The article demonstrates that Grigoriev's commitment to Schelling was not epigonism; on the contrary, it was the result of a conscious choice directed against the utilitarianism of the 1860s and

Hegelian rationalism, and also formed the basis of a distinctive *pochvennik* aesthetics (ideas based on a return to folk roots).

Key words: A.A. Grigoriev; *pochvennichestvo*; Schelling; aesthetics; epistolary heritage; Russian thought of the 19th century

For citation: Narozhny, T. I. (2025), “‘Trends’ of the German aesthetic-philosophical tradition in the epistolary dialogue of A.A. Grigoriev and N.N. Strakhov”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 213-219, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-8

Философское и литературно-критическое наследие Аполлона Григорьева представляет собой уникальное, во многом парадоксальное явление в истории русской мысли XIX века. Воззрения мыслителя, его концепция «органической критики» с большим трудом поддаются реконструкции и обстоятельному теоретическому комментированию. Причиной тому является не столько фрагментарность или незавершенность его идей, сколько его принципиальный отказ от построения жестких умозрительных схем, что сам Григорьев порицал в своих оппонентах. Эта особенность его философской позиции напрямую связана с исключительным «речевым активизмом» Григорьева, его склонностью мыслить не в категориях застывшей системы, а в динамике живого, эмоционально насыщенного слова, которое само становится инструментом и формой познания. В этом контексте эпистолярное наследие критика, в частности, его переписка с Н.Н. Страховым, приобретает особую ценность. Письма, как жанр приватный и не скованный цензурными или редакционными рамками, становятся той лабораторией, где мировоззренческие установки Григорьева проявляются с максимальной непосредственностью. Именно поэтому мы предпринимаем попытку анализа двух, на первый взгляд, разнонаправленных явлений в письмах Григорьева к Страхову: осмыслиния новых немецких философских веяний и активного использования средств «низкого стиля». Наше исследование исходит из предположения, что именно в соединении этих элементов – в рецепции сложнейших философских концепций в горниле экспрессивной, порой сниженной, лексики – наиболее ярко раскрывается антисхематическая природа григорьевской мысли. Попытки «приручить» или «оживить» отвлеченные идеи германской философии через фамильярный, интимный язык письма предстают не просто стилистическим приемом, а фундаментальным методом мышления (Ольхов 2011: 58).

Исследование рецепции немецкой философии (в частности, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля) в философских воззрениях Аполлона Григорьева важно для отечественной интеллектуальной истории, поскольку ряд идей Григорьева, основанных на этих учениях, оказали серьезное воздействие на развитие философской и литературной мысли России в XIX в.

Актуальность исследования связана и с тем, что контекст восприятия Григорьевым идей немецкой философии носил во многом специфический характер. В частности, уникальная система органической критики, предложенная им, во многом была противопоставлена магистральным на тот момент течениям критики эстетической и реалистической как «рассмотрение словесного искусства единичных писателей в свете народных идеалов¹», как они сложились в зависимости от крови, рода, племени и от исторических обстоятельств» (Розанов, 1995: 601). Григорьев был глубочайшим образом убежден в правоте органической критики, писал об этом Н.Н. Страхову: «Что мы на время *ненужные* люди, это надо переварить. То, чему мы служили, во что веруем, т. е. Дух, истина, прекрасное, стремление – поверь мне, неиссякаемо и еще не раз поднимется к небу, если не стройным целым Парфенона

¹ Курсив в цитатах везде авторский. – Прим. ред.

и не стрелами готических соборов – то чем-нибудь другим, равно прекрасным, равно свидетельствующим о борьбе и силе духа» (Григорьев, 1999: 232). Иными словами, речь идёт о речевом мышлении особенного служения и веры Григорьева, которая выходила за пределы реализма в мышлении в сторону целостной и конкретно-всебоющей философии истины. Как отмечал В.В. Розанов, «Григорьев может почитаться у нас единственным и первым критиком, стоявшим на почве более обширной, чем литературные партии и только свои личные вкусы» (Розанов, 1995: 601).

В то же самое время реальная критика, постулаты которой были разработаны Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым, была основана на идее, что литература не только может, но и должна преобразовывать мир, а значит, ее основная задача – остро реагировать на злободневные темы. Для Григорьева ориентация на принципы реальной критики представляется фатальной ошибкой, а самые эти принципы – примитивными и не имеющими достаточного обоснования. Так, в письме к Страхову от 17 сентября 1860 г. Григорьев поставил ряд риторических вопросов: «Что ты *несешь* о торжестве теорий "Современника"? В чем эти теории? Допрашивал ли ты себя хорошенъко о концах концов этих теорий? Кажется, что нет ...» (Григорьев, 1999: 231). Известно, что Григорьев считал всех западников, в том числе и редакцию «Современника», предателями, поскольку те провозглашали примат прогресса цивилизации над ценностями национальной культуры и отрицали, помимо прочего, влияние Пушкина и его наследия на развитие российского литературного процесса, с чем Григорьев в корне не был согласен. В статье 1861 г. «Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы» он подчеркивал: «Пушкин не западник, но и не славянофил, Пушкин – русский человек, каким сделало русского человека соприкосновение с сферами европейского развития...» (Григорьев, 1980: 203). В письме в июне того же 1861 г. Григорьев философствует: «Я дошел до глубокого презрения к литературе *Прогресса*. Да иначе и быть не могло. Искатель абсолютного, — я столь же мало понимаю рабство перед минутой, рабство демагогическое, как рабство перед деспотами. Лучше я буду киргизов обучать русской грамоте — чем *обязательно* писать в такой литературе, в которой нельзя подать смело руку хоть бы даже Аскоченскому в том, в чем он прав, и смело же спорить — хоть бы даже с Герценом, в чем он не прав» (Григорьев, 1999: 250). И далее: «...честному и уважающему свою мысль писателю нельзя *обязательно* литераторствовать. Негде!» (Григорьев, 1999: 251). Непримиримость к постулатам реальной критики оборачивалась для Григорьева немалыми трудностями профессиональной самореализации.

В свою очередь, эстетическая критика П.В. Анненкова, А.В. Дружинина и В.П. Боткина зиждалась исключительно на концепции «чистого искусства». Представители этого направления провозглашали самоценность художественного творчества и абсолютную независимость его от политической ситуации и общественных ожиданий, что в плане беспартийности встречало гораздо более благосклонные отклики Григорьева, но позицией абстрагирования от актуальных проблем народной жизни не соответствовало его представлениям о сущности критики. В частности, в уже упоминавшемся письме от 17 сентября 1860 г. Григорьев сообщал Страхову: «Статья же моя о Пушкине, <...> которой зрелостью и ясностью ужасно довольна редакция «Вестника» (и что всего важнее – сам я, что редко со мною бывает), пролежит еще, может быть, до января – и винить их не могу. У «Вестника» задачи *политические* главным образом, а не философские и не эстетические. Политическим их задачам смело может подать руку каждый честный гражданин, и посему я готов быть г....чистом «Вестнике». Пусть в отдаленнейших результатах, т.е. в вере в славянство, в народ и т.д., – я с ними и разойдусь, да *покамест*–то они более других правы служением идеи *self-government*, ненавистью к централизации, культом мира, свободы, законности» (Григорьев 1999: 232).

Что же касается концепции органической критики, разработанной А.А. Григорьевым, то она представляет собой, в сущности, философски сняв искусственные ограничения, попытку войти в некоторый общий живой онтологический горизонт обеих предыдущих разновидностей критик. Характерной чертой концепции Григорьева было признание фундаментального тождества жизни, искусства и художественной критики – вне зависимости от того, какими качествами наделена личность творца и его политическая платформа. Так, например, в письме от 18 июня 1861 г. он излагал следующие принципы своего поведения в профессии: «...1) я не могу и не хочу отречься от признания глубоким мышления Хомякова, Киреевского и о. Феодора. 2) что я не могу и не хочу отречься *даже* от права перед именем Погодина выставлять буквы: М.П., т.е. Михаил Петрович, — и от права говорить с уважением о трудах Шевырева, свободно говоря и о его недостатках и смешных сторонах. 3) что если б мне случилось в чем-либо признать историческую важность мысли *Бурачка*, я ее признаю» (Григорьев 1999: 251).

В отличие от ряда других выдающихся мыслителей своего времени, А.А. Григорьев ориентировался по большей части на воззрения Шеллинга, а не Гегеля: «Я верю с Шеллингом, что бессознательность придает произведениям творчества их неисследимую глубину. В душе художника истинного эта способность видеть орлиным оком общее в частном есть непременно синтетическая, хотя и требующая, конечно, поддержки, развития, воспитания. Тот, кто рожден с такого рода объективностью, есть уже художник истинный, поэт, творец» (Григорьев, 1980: 113).

Как уже многократно отмечалось в исследованиях, эволюция взглядов Григорьева шла сложным путём, под влиянием обширного круга чтения и дискуссий, в богатом интеллектуальном контексте, как об этом пишет Д.И. Чижевский: «... у поколения “сороковых годов” мы встречаем прежде всего интерес к целостной системе мыслей Шеллинга, к основным мыслям его мировоззрения, и прежде всего исканье в философии Шеллинга определенного философского метода. Так интересовался Шеллингом Станкевич, *так* увлекался Шеллингом Катков и позже Аполлон Григорьев» (Чижевский, 2007: 66). При этом давало о себе знать влияние Гёте, Шиллера, которых А. Григорьев переводил, разумеется, Фридриха Шлегеля, основоположника близкой к Григорьеву и Страхову теории романтической иронии и др. Тем не менее, надо полагать, наиболее сильным было всё же влияние шеллингианства, самобытно переосмыслинного (Журавлёва, 1980: 11).

Ф. Шеллинг утверждал, будто познание бытия возможно не только и не столько посредством философии и логики, но и посредством художественных образов и эстетической интуиции, при этом мышление и бытие абсолютно тождественны (Шеллинг 1966: 74). Согласно концепции Шеллинга, искусство выступает высшей формой познания и способом самосозерцания духа, где гений создает произведения таким же образом, как это делает природа. Искусство открывает философи в творчестве то бессознательное, что невозможно выразить иначе. Именно поэтому искусство, по Шеллингу, является высшей естественной структурой мира – тем типом познания, что носит первичный, в отличие от научного познания, характер (Шеллинг, 1966: 51-52; 162-163). Эта идея находит отражение в письме Григорьева к Страхову от 23 сентября 1861 г.: «Не говори мне, что я жду невозможного, такого, чего время не дает и не даст. Жизнь есть глубокая ирония во всем. Во времена торжества *рассудка* она вдруг показывает оборотную сторону медали, посыпает Кальостро и проч.; в век паровых машин – вертит столы и приподнимает завесу какого-то таинственного, иронического мира духов странных, причудливых, насмешливых, даже похабных...» (Григорьев 1999: 263).

В соответствии с духом своей эпохи Григорьев настаивает на том, чтобы мировоззренческие установки художника были сформулированы максимально отчетливо, причем краеугольным камнем должны были стать твердые нравственные идеалы, а не просто стройная система взглядов на жизнь. Как отмечал сам А.А. Григорьев, «ничто в такой степени

не необходимо художнику, как миросозерцание. Талант находится в прямом отношении с жизнью, и большая или меньшая степень воспроизведения жизни есть вместе с тем и высшая или низшая степень правильного отношения к ее явлениям, то есть к действительности» (Журавлева, 1980: 23). Через нравственную чуткость художник и органическая критика самым прямым образом соединяются с народной жизнью, поскольку «Каждое общество, каждый народ – подразумевается правильно и свободно развившиеся – носят в себе известные органические начала жизни, отражающиеся более или менее определенно и неуклонно во всех внешних явлениях их существования, – в нравах, обычаях, даже предрассудках, освященных веками» (Григорьев, 1986: 268).

Известно, что работы Григорьева во многом адогматичны: критик стремился к диалогу, зачастую даже с теми, кто был его оппонентом постоянно или же имел точку зрения, отличную от позиции Григорьева, в частности, в адресованном Н.Н. Страхову письме он весьма сочувственно высказывается о литераторах младшего поколения, сначала о беллетристе Всеволоде Крестовском: «Малому учиться надо, а ужасное отсутствие средств к жизни сделало из него *писателя*. Он постоянно в ложном положении — мой бедный, добрый, но безосновный ребенок!..» (Григорьев, 1999: 233). И далее: «Скажи Случевскому, когда воротится, чтобы написал ко мне. Это изо всех *молодых* – единственная *Личность*, пусть немножко и холодная, пусть и страшно самолюбивая, но *личность*» (там же).

Такое совпадение настроения непосредственной умственной и эмоциональной отзывчивости в литературных работах и личных письмах подтверждает, что критерием григорьевского принципа «органичности» является мера жизненности явлений, того, насколько глубоко уходят они корнями в народную жизнь, в какой степени являются ее «веяниями» и «голосами» (Малецкая, 2007: 12). Именно поэтому для содержательной характеристики воззрений Григорьева необходимо изучать и его эпистолярные работы: как видим, переписка его с Н.Н. Страховым представляет собой не что иное, как творческую лабораторию, в которой апробировались основные идеи почвеннической критики.

Письма Григорьева Страхову 1860-1862 гг. показывают, что шеллингианство Григорьева было не архаичным пережитком, а сознательной, полемически заострённой философской доминантой, и Страхов в этом диалоге становится не пассивным адресатом, а собеседником, которому Григорьев находит возможным пояснить и защищать свои воззрения.

Важно уточнить, что в анализируемых письмах Григорьев ни разу не позиционирует себя как апологета Шеллинга и сознательного антигегельянца. Однако такая позиция прослеживается и в том, какие предметы он выбирает для обсуждения, и в том, какова философская снова его воззрений. В частности, Григорьеву чужды панлогизм, схематизм, неспособность объяснить индивидуальное. В то же время его привлекает учение об искусстве как о высшем синтезе сознательного и бессознательного: «В словах так называемого *Писания* есть, мой милый, действительно какая-то таинственная сила. Вдумывался ли ты серьезно в книгу Иова, в эти стоны, с глубоким сердцеведением вырванные из души человеческой? Там, между прочим, в этом апокалипсисе Божественной иронии, есть слова: “*Страх, его же убояхся, найде на мя*”, – страшный смысл которых рано или поздно откроется и тебе, искателю истины, как давно уже раскрылся он мне. Да! чего мы боимся – то именно к нам и приходит...» (Григорьев 1999: 250). Именно в этом, на наш взгляд, кроется причина того, что Григорьев в своих воззрениях проходит путь от шеллингианства к гегельянству и обратно: очевидно, что сформулированная им идея «исторического чувства» не может отрицать самого исторического воззрения вовсе, однако сам он воспринимает это как порождение гегельянства – сугубо теоретическое, избыточно прогрессивное и даже деспотическое. В то же время историческое чувство для Григорьева – не что иное, как естественный способ интуитивного постижения жизни, которое позволяет видеть каждое ее проявление как нечто самоценное, ведь сами

история и культура, в особенности литература, – живые, органические явления (Ольхов, Мотовникова, 2015).

Итак, можно прийти к заключению, что характерное для критика обращение к идеям шеллингианской философии и одновременное использование экспрессивной, сниженной лексики является не просто стилистической особенностью, а ключевой характеристикой «метода». Вступая в полемику со сторонниками «реальной» и «эстетической» критики, А.А. Григорьев использует средства «низкого стиля» как инструмент для «оживления» собственных идей, составляющих основу органической критики. Его сознательная ориентация на философию Ф. Шеллинга, в противовес гегелевскому схематизму, находит практическое воплощение в языке писем, в которых абстрактные категории находят осмысление сквозь призму живой речи – эмоциональной и иногда экспансивной. Таким образом, эпистолярий Аполлона Григорьева представляется творческой лабораторией, в которой его органическое мышление, отвергающее умозрительные схемы, находит свое самобытное выражение в синтезе высокого философского содержания и интимно-личностной, экспрессивной формы.

Литература

- Авдеева, Л. Р. (1992), *Русские мыслители: Ап. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов: Философская культурология второй половины XIX в.*, Изд-во МГУ, Москва. EDN: TAYUBF
- Григорьев, А. А. (1986), *Искусство и нравственность*, комм. Егоров, Б. Ф., Современник, Москва.
- Григорьев, А. А. (1999), *Письма*, подгот. Виттакер, Р., и Егоров, Б. Ф., Наука, Москва.
- Григорьев, А. А. (1980), *Эстетика и критика*, сост. Журавлева, А. И., Искусство, Москва.
- Журавлева, А. И. (1980), «Органическая критика Аполлона Григорьева», в кн.: Григорьев, А. А. (1980), *Эстетика и критика*, сост. Журавлева, А. И., Искусство, Москва, 7-50.
- Малецкая, Ж. В. (2007), *Н.Н. Страхов – критик И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого*, Автореферат дис. кандидата филологических наук: 10.01.01, Махачкала. EDN: NJDTZZ
- Ольхов, П. А. (2011), *Диалог и История: экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX-XXI вв.*, Научная книга, Москва. EDN: QXECQD
- Ольхов, П. А., и Мотовникова, Е. Н. (2015), «История как жизненное целое: А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов в поисках органического понимания истории», *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 3, 88-95. EDN: UKSPKV
- Розанов, В. В. (1995), «К 50-летию кончины Ап. А. Григорьева», *Собрание сочинений. О писательстве и писателях*, Николюкин, А. Н. (ред.), Республика, Москва, 600-602.
- Чижевский, Д. И. (2007), *Гегель в России*, Наука, Санкт-Петербург.
- Шеллинг, Ф. В. Й. (1966), *Философия искусства*, Перевод с немецкого Попов, П. С., Мысль, Москва.

References

- Avdeeva, L. R. (1992), *Russkiye mysliteli: Ap. Grigoriev, N. YA. Danilevskiy, N. N. Strakhov: Filosofskaya kulturologiya vtoroy poloviny XIX v.* [Russian thinkers: Ap. Grigoriev, N. Ya. Danilevsky, N. N. Strakhov: Philosophical cultural studies of the second half of the 19th century], Moscow State University Press, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: TAYUBF
- Chizhevsky, D. I. (2007), *Geigel v Rossii* [Hegel in Russia], Nauka, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).
- Grigoriev, A. A. (1980), *Estetika i kritika*, [Aesthetics and criticism], compiled by Zhuravleva, A. I., Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.).
- Grigoriev, A. A. (1986), *Iskusstvo i nравственность* [Art and Morality], commentary by Egorov, B. F., Sovremennik, Moscow, Russia (in Russ.).
- Grigoriev, A. A. (1999), *Pisma* [Letters], prepared by Whittaker, R., and Egorov, B. F., Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).
- Maletskaya, Zh. V. (2007), “N.N. Strakhov as a critic of I.S. Turgenev and L.N. Tolstoy”, Abstract of PhD dissertation in Russian Literature, Dagestan State University, Makhachkala, Russia (in Russ.). EDN: NJDTZZ

Olkhover, P. A. (2011), *Dialog i Istorya* [Dialogue and History], Nauchnaya kniga, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QXECQD

Olkhover, P. A., & Motovnikova, E. N. (2015), "History as a vital whole: A. A. Grigoriev and N. N. Strakhov in search of an organic understanding of history", *Humanitarian Research in the Russian Far East*, 3, 88-95 (in Russ.). EDN: UKSPKV

Rozanov, V. V. (1995), "To the 50th anniversary of the death of Ap. A. Grigoriev", *Sobranie sochineniy. O pisatelstve i pisatelyakh*, [Collected works. On writing and writers], Nikolaykin, A. N. (ed.), Respublika, Moscow, Russia, 600-602 (in Russ.).

Schelling, F. W. J. (1966), *Filosofiya iskusstva*, [Philosophy of Art], Transl. from German by Popov, P. S., Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Zhuravleva, A. I. (1980), "Organic Criticism of Apollon Grigoriev", in Grigoriev, A. A. (1980), *Estetika i kritika*, [Aesthetics and criticism], compiled by Zhuravleva, A. I., Iskusstvo, Moscow, Russia, 7-50 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Нарожный Трофим Игоревич, аспирант кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *narozhny@list.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Trofim I. Narozhny, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *narozhny@list.ru*